

с Михаилом Садчиковым

Петербургские вечера

В свои 76 мальчик с улицы Восстания, блокадник Илья Рахмиэлевич Резник активно творит, помогает сиротам, влюблен в собственную жену Ирину, выпускает одну премьеру за другой. Во многом потому, что перестал ссориться со звездами и тратить свое драгоценное время на конфликты, разборки со звездными коллегами, суету сует...

На разговор о любимом городе он согласился не сразу, так как давно обижается (имеет право: его, блокадника, никогда не приглашают в родной город в этом качестве!). Но автора этого интервью и Илью Рахмиэлевича, Илью, Илюшу связывают многие годы дружбы. Так что разговор состоялся — в «заоблачном» ресторане, напротив «Москва-Сити-центра».

Илья РЕЗНИК: Ничего Питер для меня не сделал!

— Илья Рахмиэлевич, когда и при каких обстоятельствах вы осознали, в каком уникальном городе родились?

— Как это — в какой момент осознал? Нельзя же такое в одно мгновение понять. Я просто жил в этом городе и дышал его воздухом. Впитал в себя, например, Дворец пионеров имени Жданова, который меня по-своему воспитал, потому что все секции, где я занимался, — и хор, и клуб балльных танцев, и гимнастика, и плавание — это как стеклышки витража. Потом все это сложилось и принесло свою пользу. Это был мой город, в котором я долго жил и писал о нем.

В мою недавнюю книгу «Квадрат четверостиший» вошла целая глава «Санкт-Петербург». С Раймондом (Раймондом Вольдемаровичем Паулсом. — М. С.) мы написали для Азизы две песни про Петербург — обе очень красивые. Я написал и свой гимн городу: с хором исполнял его в Ледовом дворце, на своем творческом вечере. Так что любимый город остался во мне, хотя в Москве живу уже лет двадцать.

Когда же я осознал, в каком месте родился и живу?.. На улице Восстания однажды вышел на балкончик и подумал: «Боже мой, где я живу: слева — улица Жуковского, сзади — улица Радищева, справа — Некрасова, Рылеева, Салтыкова-Щедрина, передо мной — улица Маяковского, где была моя школа». А раз живу в окружении писателей, то сам Господь велел что-то писать! Да-да, правда — так и было (улыбается).

— Каждый год ЗакС Санкт-Петербурга называет нового почетного гражданина города. Но почему только одного? Не маловато ли на пяти-миллионный город? Сколько, на ваш взгляд, нужно было бы называть (кстати, в 10-миллионной Москве тоже крайне мало почетных)?

— Один-два — мало. Я переживаю за свою подругу Эдиту Пьеху, которую никак не могут по каким-то причинам отметить, — говорят, она в Польше родилась, жила во Франции, еще что-то... Глупость невероятная! Уж эта великая певица Санкт-Петербурга никогда не предавала, и не отметить ее роль, я считаю, — просто преступление.

Мы с Илей Сергеевичем Глазуновым несколько лет назад говорили на эту тему. Илья Сергеевич сказал: «Представляешь, меня на 300-летие города не пригласили!» А я сказал: «Меня — тоже». А мы — блокадные дети. И Илья Сергеевич, и я...

— Если бы 100 лет спустя после нашего разговора вы вернулись в Петербург, каким хотели бы его увидеть?

— Таким, каким он был в XIX веке: без новостроек. Ну, не более того, что сейчас есть... Ни в коем случае — не более.

— Был ли такой момент, такой период, когда Петербург на вас давил, сковывал, испытывал на прочность?

— Мои детство и юность выдались очень напряженными. Во-первых, я — блокадный ребенок, во-вторых, отец в 1944-м погиб, а мама в 1946-м вышла замуж и, по сути, бросила меня. Меня усыновила бабушка. Мы жили всегда в нужде и напряжении, не шиковали, деньги доставались кровавым трудом. Все давалось с трудом, и после школы поступать было тяжело — я в театральный только с четвертой попытки поступил. После театрального меня помотало, пока я не оказался в Театре Комиссаржевской. Многие преодолели, никогда и никакой протекции...

— Какие две-три петербургские проблемы вам не дают спокойно жить и спать?

— Проблемы, особенно зимние, — это кошмар! Помню, приехал на «Музыкальный ринг» — пройти по го-

роду невозможно! Неубранные сугробы, узкие тротуары... Просто ужас!

— Какие особенные места в Петербурге вы показываете своим гостям-друзьям?

— Когда моя драгоценная супруга, моя вторая половинка Ириша впервые приехала в Питер, мы сразу отправились на Исаакиевскую площадь, забрались на собор — на самую верхотуру. Показываю гостям и друзьям, конечно же, Стрелку Васильевского острова. Привожу их на мою улицу Восстания — в ту самую коммуналку, где такой же мальчик еще недавно жил, в этой самой комнате, где огорожено на две половины шкафом. Каждый год у меня такой экскурс. Правда, и я, и новый мальчик выросли.

— За кого из известных петербуржцев вам было или сейчас стыдно, неловко?

— Таких людей нет. Петербуржцы, особенно актеры, — люди замечательные: Сергей Юрский, Олег Басилашвили, Татьяна Доронина, Юрий Темирканов, Валерий Гергиев. Я уже не говорю о Дмитрии Сергеевиче Лихачеве, он — гений.

— Как вам нынешний Петербург по сравнению с тем, каким он был 10, 20, 30 и больше лет назад?

— Однажды мы с Иришей, остановившись в «Европейской», вышли вечером прогуляться по Невскому, и стало как-то не по себе от скинхедов, агрессивных молодежных группок — от них шла напряженная, неприятная энергетика.

— Нет ли некоего патристического преувеличения, когда Петербург называют самым красивым городом мира?

— В комсомольскую юность мою был я активным общественным деятелем и уже тогда мечтал, чтобы по Петербургу, по старой его части, ездили кареты, чтобы хотя бы частично сохранился дух XIX века, дух царственной столицы. Но этого не было, а веяли совсем другие ветра...

А когда Гагарин полетел в космос, в 1961-м, я был студентом Театрального института. Собрал ребят: «Надо идти на площадь!» Подошел к секретарю парторганизации: «Дайте нам знамя!» А он: «Для начала надо бы бюро собрать...» И мы рванули в Институт культуры, отсюда ребят сняли, потом сняли ребят из Академии художеств, и только потом уже толпа возникла, огромная толпа. Помню, подъезжают к нам на мотоцикле два секретаря обкома ВЛКСМ: «Илья, сворачивай демонстрацию! Это несанкционированное мероприятие...» А я говорю: «Я могу уйти, но что я сделаю? Все уже без меня происходит...» Если вы разыщете газету «Правда» за 13 апреля 1961 года, то увидите фотографию «Торжества в Ленинграде». В середине толпы молодежи — я.

— То время было чище, свободнее?!

— Не сказал бы: приходилось преодолевать обкомы-горкомы-райкомы. Но эмоции и помыслы наши были чисты!

— Почему же при такой нереальной любви к нашему городу вы рванули в Москву?

— Стал активно работать с Аллой (Аллой Борисовной Пугачевой. — М. С.). Сначала туда-сюда колесил... Песня «Как тревожен этот путь» родилась в машине, когда Алла с Женей Болдиным (директором ансамбля Пугачевой, законным супругом певицы. — М. С.) приехали за мной в Питер, и мы ночью помчались в Москву. Тогда я написал на рулоне с афишами вслепую текст... Так что главная причина моего переезда — активное сотрудничество с Аллой. Все-таки 71 песня написана для нее.

— Что вы лично сделали для Петербурга и что он сделал для вас?

— Он для меня ничего не сделал... Когда был мой первый творческий вечер в 1973 году, в нем пели Эдита Пьеха, Серега Захаров, Ира Понаровская, Алик Асадулин, Люся Сенчина... Но отдел культуры не разрешил даже выпустить афишу: «Творческий вечер Ильи Резника». Антисемиты написали: «Эстрадный концерт».

Ничего для меня Питер не сделал! Я написал две мощные песни, посвященные городу, дал множество шефских, благотворительных концертов, а ничего не получал: как жил в коммуналке, так и остался жить в коммуналке.

— Но разве Петербург не подарил вам ощущение созерцания красоты?..

Фото Татьяны МИРОНЕНКО

В компанию ЭкоНива требуются:

Начальник животноводческого комплекса —

з/п от 80 000 р до 120 000 руб.

Главный зоотехник —

з/п от 150 000 руб.

Старший ветеринарный врач — з/п от 50 000 р.

Работа в Воронежской, Калужской областях.

Оплата жилья для иногородних специалистов.

Телефоны: 8-920-409-05-46, 8-920-443-39-02.

rabota@ekoniva-apk.com

EKONIVA
ЭКОНИВА